

Научная статья

УДК 347.6 © И. М. Челпанов

DOI: 10.24412/2225-8264-2025-3-1014

Ключевые слова: наследственный договор, генезис, договор о наследовании, сравнительно-правовой аспект, свобода завещателя, основания наследования

Keywords: inheritance contract, genesis, contract of inheritance, comparative legal aspect, freedom of the testator, grounds for inheritance

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Челпанов И. М.¹

Аннотация. В статье рассматривается генезис наследственного договора и его разветвление в различных правовых системах, с использованием сравнительно-правового метода. Подготовленный обзор должен служить основой для понимания правовой природы наследственного договора, формирования соответствующей законодательной базы, а также ее толкования, в том числе в процессе правоприменения. Автор приходит к выводу, что отношение к наследственному договору с древних времен было неоднозначным, при этом причиной во все времена остается его «аморальность» (недопустимость «безотзывности»), подверженная скорее культурным факторам, нежели строгости юридических конструкций. Установлено, что наследственные отношения объективно требуют договорного регулирования, поэтому практические потребности гражданского оборота в различных правовых системах так либо иначе удовлетворяются различными аналогами, либо уникальными версиями наследственного договора.

¹Челпанов Иван Михайлович — аспирант кафедры гражданского права и процесса, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66)
E-mail: 2000.ivan.chelpanov@gmail.com

INHERITANCE CONTRACT IN HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL PERSPECTIVE

Ivan M. Chelpanov

Postgraduate of the Department of Civil Law and Procedure, Ural Institute of Administration of the Russian Academy of National Economy and Civil service under the President of the Russian Federation.

Abstract. The article examines the genesis of the inheritance contract and its ramifications in various legal systems, using the comparative legal method. The prepared review should serve as a basis for understanding the legal nature of the inheritance contract, the formation of the relevant legislative framework, as well as its interpretation, including in the process of law enforcement. The author comes to the conclusion that the attitude to the inheritance contract has been ambiguous since ancient times, while the reason at all times remains its «immorality» (inadmissibility of «irrevocability»), subject to cultural factors rather than the strictness of legal structures. It has been established that inheritance relations objectively require contractual regulation, therefore the practical needs of civil turnover in various legal systems are somehow satisfied by various analogues or unique versions of the inheritance contract.

Поступила в редакцию:
28.08.2025

Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» ввел в российский правовой порядок новый для него институт и основание наследования — наследственный договор. Сегодня, спустя более чем семь лет, нельзя констатировать, что наследственный договор завоевал свое внимание у российских граждан. Сложившаяся ситуация требует глубокого анализа как деталей правовой регламентации наследственного договора, так и его сущности.

Наследственный договор как правовое явление, разумеется, не был изобретением российских юристов. Исследование наследственного договора для российского цивилиста не может быть проведено без сравнительно-правового метода по очевидной причине: он появился в российском праве относительно недавно, а потому отсутствует какая-либо практика его использования в принципе. Сама по себе идея введения в наш правовой порядок этой новой конструкции скорее всего во многом была обусловлена ее наличием за рубежом, т.е. речь идет о идее даже не создания новой конструкции, а заимствования.

При этом наследственный договор имеет давнюю историю, в различных правовых порядках он продолжал свое развитие под разным углом.

Коль скоро интерес российского законодателя к наследственному договору был вызван в том числе его успехом в иностранных правовых порядках, очевидно, любое исследование в его отношении невозможно без анализа зарубежного опыта.

Представляется, что подготовленный обзор истории развития наследственного договора (вне российского регулирования) должен служить основой для понимания его правовой природы, формирования законодательной базы, а также ее толкования (в том числе в процессе правоприменения).

Стоит отметить значительное количество трудов современных исследователей, в которых была учтена значимость сравнительно-правового метода [1; 2, с. 81–92; 3; 4, с. 780–791; 5; 6, с. 3–9; 7; 8, с. 34–39; 9]. Нельзя обойти вниманием и знаменательный труд дореволюционного исследователя В. И. Курдиновского, полностью посвященный договорам о наследовании [10, с. 1–324].

Однако упомянутые труды, в силу поставленных перед собой целей, либо намеренно не исследовали зарубежный опыт со всех сторон (например, обоснованно отдавая предпочтение более глубокому анализу того либо иного правового порядка), либо использовали зарубежный опыт точно, в подтверждение своих рассуждений. Работа В. И. Курдиновского же, в свою очередь, требует своего обновления, хотя и крайне актуальна в части исторического экскурса.

Целью настоящего исследования является не просто сравнительно-правовое исследование, но в исторической перспективе, с отражением развития наследственного договора как особого правового явления.

1. Римское частное право.

Чтобы наглядно продемонстрировать эволюцию наследственного договора как социального, культурного

(а вслед за этим — юридического) явления, необходимо начать с римского частного права по ряду причин.

Во-первых, подробных сведений, касающихся наследственного договора, в иных цивилизациях, более раннего периода, найти не представляется возможным.

Во-вторых, римское право имеет особое значение для юридической науки, особенно науки частного права (цивилистической). Как однажды выразился И. А. Покровский, «римское право занимает в истории человечества совершенно исключительное место: оно пережило создавший его народ и дважды покорило себе мир» [11, с. 13].

В-третьих, римское право заслуживает в нашем случае внимания хотя бы потому, что его влияние будет проявляться и в современности. Именно римское право, стремящееся к логике, спустя года и эпохи окажется для наследственного договора чуть ли не самым главным соперником, о чем будет изложено ниже.

Итак, никем не оспаривается, что именно в эту эпоху были заложены твердые основы частного права. Одной из таких основ была дихотомия оснований наследования: те, которые мы сейчас именуем как наследование по завещанию и по закону.

При этом в литературе повсеместно утверждается, что римское право традиционно достаточно негативно относилось к идее договоров о наследстве, считая «договорное ограничение завещательной свободы как недопустимую и безнравственную зависимость свободы наследодателя принимать решение» [7]. Дело в том, что наследственный договор в таком случае становится на пересечении сразу двух важнейших принципов-антагонистов частного права: свободы договора и свободы завещания.

Согласно римским воззрениям, последний в данном случае имеет большую силу, поскольку свобода завещания должна характеризоваться возможностью завещателя в любой момент изменить свою завещательную волю, что не представляется возможным в подлинно договорных отношениях, связывающих обе стороны договора и по умолчанию не допускающих одностороннего отказа от договора.

Отмечается, что «в Древнем Риме все же иногда встречались договоры о наследовании — *pacta de secessione futura*, но они не имели юридической силы» [12].

Таков общий подход и на этом зачастую заканчивается обзор римской эпохи. Безусловно, такая позиция доступно объясняет причины негативного отношения некоторых современных правовых порядков к наследственному договору. Однако с таким однозначным взглядом согласаться не все.

Так, В. И. Курдиновский дает два дополнительных комментария к общим пояснениям. Он отмечает, что некоторые исследователи связывали негативное отношение римских граждан по этому поводу якобы с участвовавшими случаями нападений на наследодателей со стороны их контрагентов по наследственному договору, после заключения последнего [10, с. 26]. Представляется, что к такой версии стоит отнести критически, поскольку у нападавшего в данном случае не было мо-

тива: наследодатель уже итак связан договором и волю свою изменить не сможет.

Сам В. И. Курдиновский дает свой взгляд на ситуацию. Он отмечает, что негативное отношение было сформировано еще в древнем Риме под влиянием религиозно-мистических воззрений того времени. Хотя со временем подобное влияние на разум римлянина ослабевало, в консервативном обществе того времени мысль о недопустимости наследственного договора укрепились настолько, что вывести ее было уже не под силу. Ситуация, тем не менее, меняется ближе к постклассической эпохе. Отрицание наследственного договора становится скорее формальным, поскольку императоры казуистично и постепенно дают одобрение на использование договорных конструкций. Примером такой ситуации являлся случай, когда два брата отправлялись на войну и перед уходом договаривались о том, что выживший должен получить наследство второго [10, с. 37–46]. В литературе есть и иной пример — договор, по которому «отец семейства, эмансипирующий сыновей, мог по взаимному согласию с ними установить свое право наследования определенной доли в их имуществе, т. е. назначить себя наследником в договорном порядке» [8, с. 35] (*actum fiduciae*).

Таким образом, причиной запрета наследственного договора служила не «юридическая чистота» конструкций, а культурные факторы. С развитием культуры практика взывала к использованию наследственного договора, однако достаточным образом добиться признания в римском обществе этой конструкции не удалось. Этот тезис подтверждается и опытом античной Греции, в которой, напротив, «договоры наследования были распространены; и они оставались в употреблении в греческих провинциях Римской империи до конца античности» [13, с. 388].

2. Германские правопорядки.

Подлинный успех наследственный договор приобрел на германских землях.

Причины появления у германских народов этого явления вновь объяснены В. И. Курдиновским. У древних германцев существовало только одно основание наследования — на основании сложившихся правил поведения, а завещать кому-либо свое имущество по своей воле в принципе не позволялось. Со временем неизбежно начали появляться такие граждане, у которых не оставалось каких-либо родственников; таким гражданам допускалось провести торжественный акт «усыновления» и передачи имущества. Само собой, «усыновление» в этом играло роль вспомогательную, чтобы обосновать обход сложившихся норм обычного права о наследовании. А потому со временем этот компонент за необходимостью отпал, и торжественный акт оказался сугубо имущественным договорным отношением двух лиц по поводу наследства. Окончательно такой подход оформился примерно в Средние века. К тому времени такой договор могли заключать уже и при наличии наследников по закону, однако обычай того времени требовали получения согласия от таких наследников [10, с. 50–86].

К эпохе Нового времени германские государства оказались меж двух огней. С одной стороны, на их

территории были стихийно распространены доктринально не осмысленные (но используемые на практике) наследственные договоры. С другой стороны, академически в университетах изучали исключительно римское право [14, с. 57], которое считалось образцом справедливости, но в котором не было места наследственному договору, даже после обработки римских текстов глоссаторами и комментаторами, которые повторяли те же ошибки римлян: в целом считая наследственные договоры противоречащими сложившейся системе, они, посредством схоластического толкования, пытались найти исключения и приспособить римское право к существующим реалиям [10, с. 50–86].

Но право не могло вечно оставаться академическим, а потому в университетах постепенно начинают преподавать национальное право, а в Германии получает поддержку так-называемая историческая школа права.

Развитие идеи исторической школы права подтолкнуло исследователей к изучению национальных особенностей, в числе прочих оказался и наследственный договор (либо в немецких традициях — договор о наследовании). Появляются первые исследования о его юридической природе особого рода (*sui generis*). Высшие судебные инстанции с гордостью называют договор о наследовании национальным явлением. Логичным финалом этого развития стало окончательное закрепление договора о наследовании в кодифицированном акте единой Германии — Германском гражданском уложении (ГГУ).

Описать вкратце итоги немецких исследователей по этой теме не представляется возможным, а потому стоит лишь отметить, что отличительной чертой современного немецкого наследственного договора является связанность договора, невозможность одностороннего отказа. Он «образует уникальное по природе, согласованное двумя или более сторонами распоряжение, отложенное на случай смерти и связывающее, но не обязывающее наследодателя» [7].

Что касается Австрии и Швейцарии, то, несмотря на близость к немецкому праву по своему духу, эти правопорядки исходят из возможности заключения наследственных договоров только между супругами [6, с. 4]. Наследственный договор в архаичном виде предстает в современной Прибалтике [3].

3. Романские правопорядки.

Несмотря на кажущееся единство континентальной правовой системы, именно в вопросе допустимости наследственного договора мы наблюдаем раскол: некоторые правопорядки продолжали следовать романским традициям и не находили места наследственному договору в системе наследственного права.

Тут стоит отметить, в первую очередь, Францию. Здесь существует свой аналог запрещенным наследственным договорам — это так-называемые последовательные и остаточные благодеяния (ст.ст. 1048 и 1057 ФГК). Первое представляет собой «безвозмездное предоставление, включающее в себя обременение, состоящее в возложении обязанности на одаряемого или наследника по завещанию сохранить имущество или права, являющиеся предметом сделки, и передать

их после смерти другому выгодоприобретателю, указанному в этом же акте» [3]. Второе — «дарение либо завещание, которым на первого выгодоприобретателя возлагается обязанность передать указанному в этом же акте лицу имущество, которое останется ко дню его смерти» [3].

А также используется дарение на случай смерти, не являющееся отдельным основанием наследованием. Оно допускается в двух формах: дарение при жизни с правом оставления предмета дара за собой в случае смерти одаряемого (ст. 951 ФГК), и наоборот, дарение с переходом права собственности к одаряемому в момент смерти дарителя. Проще говоря, два вида дарения, в зависимости от того, кто кого переживает.

Однако отмечается, что использование последней конструкции французами сильно ограничено случаями его заключения между супругами, либо его включением в брачный контракт, либо реализацией третьим лицом в пользу будущих супругов или одного из них [1].

Тут же стоит отметить, что под влиянием интеграционных процессов на территории Европейского Союза и иных причин договорное регулирование исследуемой сферы проникает и в страны романской правовой семьи.

В итальянском законодательстве, ранее всегда придерживавшемся строгого запрета договорного регулирования, «на основе Закона от 14 февраля 2006 г. № 55 в ст. 768 ГК появился *patto di famiglia* в качестве договора о наследовании бизнеса» [7]. Его появление обусловлено рекомендациями Еврокомиссии 1994 года о передаче малого и среднего бизнеса, в которых странам-членам ЕС было предложено допустить заключение наследственных договоров.

По такому договору, именуемому семейным пактом, владелец бизнеса стал вправе передать доли участия в нем одному или нескольким наследникам, но с одобрения супруга и иных обязательных наследников. «Цель конструкции состоит в предотвращении дробления бизнес-активов под воздействием режима имущества супругов и правил об обязательной наследственной доле в натуре» [5].

В Португалии допускаются исключения из общего принципа недопустимости наследственного договора (ст.ст. 946 и 2028 ГК), но они должны быть предусмотрены законом и в любом случае должны подразумевать право завещателя в любой момент отменить свое завещательное распоряжение. В качестве такого исключения является распоряжение «посредством брачного договора, который может быть заключен только между помолвленными, то есть до заключения брака (ст. 1698 ГК)» [7].

Таким образом, в странах романской правовой семьи договорное регулирование в отношении наследства либо ограничено случаями их заключения между супругами (особенно в связи с брачными контрактами — что обусловлено их активным использованием), либо появилось в интересах безопасной передачи бизнеса. Во всех этих случаях наследственный договор не связывает стороны.

4. Англо-саксонская правовая семья.

В понимании юристов стран общего права образ

наследственного договора выглядит совсем иначе. Упрощенно говоря, это не является отдельным основанием наследования, а лишь соглашением, по которому наследодатель обязуется включить своего контрагента в завещание либо не исключать его из завещания. Это понимание наследственного договора настолько сильно отличается от традиционного, что в немецком праве такой договор прямо запрещен законом (§ 2302 ГГУ).

П. В. Крашенинников указывает, что на территории Англии этот договор имел особую историю, так как «комплектование средневековых армий было связано с исполнением военно-податных обязанностей, правовой основой которых были наследственные договоры сюзеренов с вассалами» [3].

Изначально появившись в качестве «зеркальных завещаний» (муж и жена могут заключить соглашение, по которому каждый из них назначает друг друга или третье лицо наследником) в деле *Dufour v. Pereira* в 1769 г., то есть имея некоторую наследственно-правовую природу, наследственный договор в английском варианте со временем и новым течением в судебной практике, стал иметь сугубо договорную сущность [8, с. 37].

Между тем, не стоит воспринимать «безотзывность» наследственного договора только в его немецком варианте. Черты такой «безотзывности» прослеживаются и в английском правопорядке. Так, С. Л. Будылин указывает, что «исполнитель завещания, узнав о наследственном договоре, не будет исполнять это завещание в части, противоречащей договору, эффект наследственного договора состоит в том, что в отношении указанного в нем имущества возникает так называемый конструктивный траст, собственником по праву справедливости (бенефициаром конструктивного траста) в отношении этого имущества становится вторая сторона наследственного договора» [15].

5. Украина.

С научной точки зрения представляет интерес для исследователей и украинский опыт.

Самое главное то, что, вопреки своему названию, этот договор нельзя назвать наследственным. В литературе отмечается, что «данный договор не опосредует наследственных правоотношений, а нормы, регулирующие данный договор, образуют институт обязательственного, а не наследственного права; наследственный договор — это договор на случай смерти, а не договор о наследовании» [16]. Верховный суд Украины особо подчеркнул, что переход имущества от отчуждателя к приобретателю на основании наследственного договора не является отдельным видом наследования (п. 28 Постановления Пленума Верховного суда Украины от 30 мая 2008 г. № 7).

С точки зрения наследственного права и соотношения с другими правопорядками, стоит отметить скорее то, что в данном случае переход имущества происходит вне процессов наследования, то есть «приобретатель не принимает на себя риск наличия обязательных наследников и конкурирует с другими кредиторами наследодателя, обладая вещным обеспечением» [5].

6. Пожизненное содержание с иждивением.

Можно выделить ряд правопорядков, в которых на-

следственный договор крайне схож с конструкцией договора пожизненного содержания с иждивением.

Так, в Венгрии наследственный договор представляет собой «соглашение о предоставлении содержания в обмен на получение в порядке наследования определенного имущества после смерти нуждавшегося наследодателя» [5].

Китайским аналогом наследственного договора служит завещательный дар (ст. 5 Закона о наследовании). По сути, это специализированный договор, в котором наследник по договору обязуется стать неким опекуном, заботиться о наследодателе до его смерти и организовать достойные похороны. Право собственности на «завещательный дар» у опекуна возникнет только после смерти наследодателя, что является надежной юридической гарантией для последнего.

О. Е. Блинков отмечает, что «первый в истории китайского права Гражданский кодекс 1929–1930 гг. был разработан с ориентацией на японский ГК 1889 г. и Германское гражданское уложение» [17], что делает неудивительным появление в китайском праве такой конструкции.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Отношение древнейших правовых порядков к наследственному договору было обусловлено, в первую очередь, культурными особенностями. Самым сильным юридическим обоснованием, прикрывающим фактические причины негативной позиции по отношению к наследственному договору, является недопустимость ограничения завещательной воли, что было предложено еще римлянами. Римское обоснование действует и

по сей день, формируя разграничение правовых порядков на его последователей и противников. Однако даже его оппоненты вынуждены использовать различные аналогии, либо вовсе постепенно смягчают свои принципиальные взгляды в поисках компромисса (например, итальянское законодательство).

В странах романской правовой семьи договорное регулирование в отношении наследства либо ограничено случаями их заключения между супругами (особенно в связи с брачными контрактами - что обусловлено их активным использованием), либо появилось в интересах безопасной передачи бизнеса. Во всех этих случаях наследственный договор не связывает стороны. Германские правовые порядки также не содержат единого регулирования в той части, право Австрии и Швейцарии также ограничивают возможности наследственного договора, не следуя примеру Германии в полной мере.

В английском праве наследственный договор имеет особую историю и является не основанием наследования, а соглашением, по которому наследодатель обязуется включить своего контрагента в завещание либо не исключать его из завещания. При этом английское регулирование фактически возводит завещательное распоряжение по наследственному договору в ранг «безотзывных».

Особый интерес представляют различные вариации наследственного договора: от договора, даже не опосредующего наследственных отношений (Украина), до конструкций, внешне напоминающих договор пожизненного содержания с иждивением (Китай, Венгрия).

Список источников

1. Гонгало Ю. Б., Михалев К. А., Петров Е. Ю. и др. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Под ред. Е. Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. 271 с.
2. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. М.: Статут, 2016. 160 с.
3. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). М.: Статут, 2019. 302 с.
4. Гражданское и торговое право зарубежных государств: в 2 т.: учебник / Под ред. А. С. Комарова, А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Е. В. Вершининой. Т. 2. М.: Статут, 2020. 832 с.
5. Бевзенко Р. С., Будылин С. Л., Кожевина Е. В. и др.; Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. Е. Ю. Петрова. М.: М–Логос, 2018. 656 с.
6. Аболонин В. О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии // Нотариальный вестник. 2010. № 2. С. 3–9.
7. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 105–129.
8. Пучков О. А., Пучков В. О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Правовые порядки: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 34–39.
9. Шестакова Е. С. Сравнительно-правовой анализ наследственного договора в Германии и Российской Федерации // Нотариус. 2021. № 8. С. 43–48.
10. Курдиновский В. И. Договоры о праве наследования. СПб.: Лань, 2013. 324 с.
11. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. 553 с.
12. Гушин В. В., Добровинская А. В. Правовая конструкция наследственного договора в России: плюсы и минусы // Наследственное право. 2016. № 4. С. 9–12.
13. The Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Vol. I / Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann, A. Stier. Oxford: Oxford University Press, 2012. 978 p.
14. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1998. 398 с.

15. Будылин С. Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6. С. 32–43.
16. Кухарев А. Е. Концепция наследственного договора в гражданском законодательстве Украины // Наследственное право. 2016. № 3. С. 41–47.
17. Блинков О. Е. О сделках на случай смерти: сравнительно-правовой аспект // Бюллетень нотариальной практики. 2010. № 4. С. 8–12.

References

1. Gongalo Yu. B., Mikhalev K. A., Petrov E. Yu. et al. Fundamentals of inheritance law in Russia, Germany, France / Ed. by E. Yu. Petrov. Moscow: Statut, 2015. 271 p.
2. Putintseva E. P. Death Instructions under the Laws of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. Moscow: Statut, 2016. 160 p.
3. Krasheninnikov P. V. Inheritance Law (Including Hereditary Trusts, Hereditary Contracts, and Joint Wills). Moscow: Statut, 2019. 302 p.
4. Civil and Commercial Law of Foreign States: in 2 volumes: textbook / Ed. by A. S. Komarov, A. A. Kostin, O. N. Zimenkova, E. V. Vershinina. Vol. 2. Moscow: Statut, 2020. 832 p.
5. Bevzenko R. S., Budylin S. L., Kozhevina E. V., et al.; Inheritance Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. by E. Yu. Petrov. Moscow: M-Logos, 2018. 656 p.
6. Abolonin V. O. General characteristics of the inheritance contract in the law of Germany, Austria and Switzerland. *Notarial'nyj vestnik` = Notarial Bulletin*. 2010; 2: 3-9. (In Russ.).
7. Lorencz D. V. Inheritance Contract: A Continental Law Approach. *Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020; 2: 105-129. (In Russ.).
8. Puchkov O. A., Puchkov V. O. Inheritance contract as a special institution of civil law of foreign states: general characteristics and problems of the legal regime. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2016; 3 (10): 34-39. (In Russ.).
9. Shestakova E. S. Comparative legal analysis of the inheritance contract in Germany and the Russian Federation. *Notarius = Notary*. 2021; 8: 43-48. (In Russ.).
10. Kurdinovsky V. I. Agreements on the right of inheritance. St. Petersburg: Lan, 2013. 324 p.
11. Pokrovsky I. A. History of Roman Law. St. Petersburg, 1998. 553 p.
12. Gushhin V. V., Dobrovinskaya A. V. Legal structure of the inheritance contract in Russia: pros and cons. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*. 2016; 4: 9-12. (In Russ.).
13. The Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Vol. I. Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann, A. Stier. Oxford: Oxford University Press. 2012. 978 p.
14. David R., Geoffrey-Spinozi K. The Main Legal Systems of Our Time. Moscow: International Relations, 1998. 398 p.
15. Budylin S. L. Contract with the deceased. Reform of inheritance law in Russia and foreign experience. *Zakon = Law*. 2017; 6: 32-43. (In Russ.).
16. Kuxarev A. E. The concept of a hereditary contract in the civil legislation of Ukraine. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*. 2016; 3: 41-47. (In Russ.).
17. Blinkov O. E. On transactions in case of death: comparative legal aspect. *Byulleten` notarial'noj praktiki = Bulletin of Notarial Practice*. 2010; 4: 8-12. (In Russ.).